

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 391.4

Предметы неутилитарного назначения (форменные пуговицы) в культуре аборигенов Северо-Востока России

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА ХАХОВСКАЯ

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
e-mail: hahovskaya@mail.ru

Цель исследования – проследить функционирование в культуре аборигенов Северо-Востока России (чукчи, коряки, эвены) такого заимствованного элемента неутилитарного назначения, как форменные мундирные пуговицы. Мундирами с форменными пуговицами награждала аборигенов царская администрация в качестве знаков высокого социального статуса. Показано, что инновации возникали в аборигенной культуре не только вследствие внешних влияний, но и «изнутри», в силу творческого подхода людей к освоению заимствований. Благодаря особым ментальным коннотациям форменные пуговицы приобретали роль принадлежностей ритуальных предметов, в том числе шаманских атрибутов. Впоследствии стремление прекрасной половины аборигенного сообщества увеличить свою привлекательность с помощью престижных вещей привело к переходу форменных пуговиц в разряд женских украшений.

Ключевые слова: чукчи, коряки, эвены, Северо-Восток России, форменные мундирные пуговицы, неутилитарное использование, шаманский костюм, накосники, кафтаны.

UDC 391.4

Non-Utilitarian Things (Uniform Buttons) in the Culture of the Aborigines of the Russian North-East

LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA, Ph.D. (History)

The North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo,
Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (NEISRI FEB RAS), Magadan
Leading Researcher
e-mail: hahovskaya@mail.ru

The article examines uniform buttons in the aboriginal culture of the North-East of Russia (the Chukchi, Koryaks, Evenkis). The Russian imperial administration decorated the aborigines' uniform with buttons as a symbol of high social status. A creative approach to the development of new things led to innovations in the use of uniform buttons. Initially, the buttons served as the accessories of ritual objects, including shaman's clothes. Afterwards buttons passed into the category of female ornaments.

Key words: the Koryaks, the Chukchi, the Evenkis, North-East of Russia, uniform buttons, non-utilitarian use, shaman's clothes, decorations on the tress, caftan.

Предметы, имеющие неутилитарное предназначение, маркирующие высокое социальное положение (статус) и влияние (престиж) каких-либо лиц в сообществах коренных народов Северо-Востока России, в поле зрения исследователей попадают нечасто. Объясняется это тем, что в традиционном обществе круг таких вещей был ограничен: социальные различия не были столь выраженными, чтобы получить воплощение в вещественных знаках власти и авторитета. Действительно, социальный строй северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков и керектов), а также расселившихся на этих территориях тунгусоязычных эвенов в значительной степени был эгалитарным, потестарное влияние отдельных лиц ограничивалось рамками семьи или локальной группы (стойбище, поселение). Заметное имущественное расслоение существовало среди оленеводческих подразделений северо-восточных палеоазиатов, а также среди части эвенов; вероятно, имелись и визуальные приметы материального благополучия, видимые «изнутри» культуры. Однако с того периода, когда традиционные сообщества стали испытывать влияние европейских культур, прежде всего российской, в вещественном мире аборигенных народов Северо-Востока России происходят значительные сдвиги. В частности, существующие и вновь возникающие социальные и имущественные иерархии находят выражение в обладании престижными вещами, демонстрирующими высокий статус владельцев.

Эта своеобразная вещественная «конвертация» материальных и нематериальных преимуществ становится возможной в поле межкультурных и межэтнических взаимодействий. В данной статье речь пойдет о заимствовании от контактной российской культуры и освоении в среде аборигенов Северо-Востока России таких статусных предметов из металла, как форменные металлические пуговицы. В российском обществе эти изделия обозначали отличительное и высокое социальное положение, так как находились на мундирах военных лиц и гражданских чиновников. Будучи атрибутами военной и гражданской власти, мундиры с форменными пуговицами со стороны аборигенов воспринимались как знаки престижа, тем более что такие представления коренным жителям целенаправленно прививала царская администрация.

Дальнейшее бытование в аборигенной культуре форменных пуговиц связано с культовыми практиками, в том числе шаманскими, при этом пуговицам приписываются совершенно иные ментальные коннотации, связанные в первую очередь с защитными функциями. Еще один аспект применения мундирных пуговиц в аборигенной культуре заключается в том, что в повседневной жизни они играли роль женских украшений и тем самым выявляли стремление их владелиц выделиться среди общей массы, подчеркнуть свое особое положение с помощью заведомо статусных предметов. Анализ «жизни» пуговичного металла в культуре северных народов интересен еще и потому, что показывает двукратное гендерное переключение в обладании престижными вещами: от чисто мужского знака социальной власти к сакральным предметам, владеть которыми могли и мужчины, и женщины, и, наконец, к исключительно женским украшениям, которые можно трактовать как атрибуты аборигенной моды недавнего прошлого.

Цель данной работы – выявление предметов, «оснащенных» пуговичным металлом, характеристика этих предметов в контексте неутилитарного их функционирования в культуре северных народов. Специальных работ, в которых бы рассматривались такие предметы, нет, в этнографической литературе встречаются лишь отдельные сведения. Имеющаяся в распоряжении автора информация, полученная в результате собственных полевых и архивных исследований¹, а также извлеченная из опубликованных источников, касается таких народов Северо-Востока, как коряки, чукчи и эвены.

Пуговицы как маркер социального положения

Металлические, чаще всего медные пуговицы являлись теми культурными артефактами, которые зримо воплощали извне прививаемую аборигенному сообществу иерархичность и статусность. Как известно, царская администрация стремилась выстраивать взаимоотношения с коренными жителями через лиц, принадлежавших к местной элите, «лучшим людям», в терминах того времени. В том случае, если аборигенные сообщества не имели ярко выраженной социальной градации, элитная прослойка специально создавалась из людей, выделявшихся среди сородичей в имущественном или ином отношении². Русская власть серьезно относилась к внешнему оформлению властных полномочий таких лиц: чтобы подчеркнуть новообретенное положение «князцов» и «старшин», им дарили оружие³, а также грамоты и верхнюю одежду в виде камзолов, неотъемлемой частью которых были металлические форменные пуговицы. Эти статусные вещи аборигенам жаловали и в других важных случаях помощи русской администрации; коренные жители их высоко ценили и передавали по наследству.

Так, Георг Кеннан описывает встретившегося ему во время путешествия по северу Камчатки в 1860-х гг. оленного коряка Ханальпучиника, который специально принарядился для визита к путешественникам: «Его одежда состояла из красного платья, с голубыми отворотами и медными пуговицами, с длинными золотыми шнурами, висящими на груди. <...> Он был подпоясан изорванным ремнем из тюленьей кожи, на котором висела великолепная шпага с серебряным эфесом в резных ножнах»⁴. Выяснилось, что «платье и шпага пожалованы были отцу настоящего владельца их в царствование Александра I русским губернатором Камчатки в награду за помощь, оказанную этим коряком русским во время голода. От отца ее наследовал сын»⁵.

Действия колымского исправника Гергарда Майделя по привлечению западной группы чукчей в российское подданство (вторая половина XIX в.) сопровождалась социальными преобразованиями, которые заключались в создании территориальных «обществ», назначении в них старшин-тойонов, а также учреждении наследственной должности главы (эрема). Амраургин, назначенный главным чукотским эремом, получил от русской администрации кафтан, саблю и несколько медалей, все эти атрибуты власти он передавал по наследству. Чукотскому тойону Китуйе за жертвование оленей в голодный год был пожалован кафтан⁶.

Представление о высоком статусе наградной одежды, основными атрибутами которой являлось наличие красной ткани и медных пуговиц, сформировалось среди целого ряда северных народов. Согласно воспоминаниям, В.Г. Богораз в 1920-х гг. специально хлопотал о выделении студентам, отправлявшимся в экспедиции на Север, лакейских камзолов из дворцовых запасов, с помощью которых они могли бы расположить к себе местное население⁷. В свете этих представлений показательна семантическая двусмысленность слова «пыллан», обозначающего пуговицу в керекском языке. Первичное значение этого слова, как пишет В.В. Леонтьев, – солнце, а второе «появилось после того, как кереки впервые увидели русских чиновников в мундирах с блестящими пуговицами»⁸. Возможно, такое прочтение сформировалось не только вследствие материальных свойств пуговиц (форма, блеск, цвет), соотносимых с видом светила, но и благодаря статусу чиновников как посланцев русского царя, а представление о царе как о «солнечном старшине» администрация активно распространяла среди аборигенов⁹.

Можно видеть, что в данном регистре престижности аборигенная культура воспринимала заимствования так, что их символика и практика

использования до известной степени копировала культуру-донора, то есть обозначала социальное положение владельца. Но заимствованные образцы редко остаются неизменными: аборигенное сообщество, воспринимая иноэтнические влияния, трансформирует их согласно своему этнокультурному облику. Культура северо-восточных аборигенов не сохранила до настоящего времени наградные камзолы с пуговицами. Разумеется, они могли обветшать, потеряться, выйти из обихода другим путем. Но совершенно очевидно и другое – форменные мундирные пуговицы уже на ранних этапах культурного взаимодействия аборигенов и русских начали отрываться от своей основы в прямом и переносном смысле. В источниках зафиксированы три точечных события, отстоящие друг от друга на значительном временном расстоянии, но удивительно схожие по содержанию и курьезному характеру.

Секретарь экспедиции Биллингса-Сарычева Мартин Соур (Зауер) описал случай, произошедший в 1791 г. в заливе Святого Лаврентия (Чукотка): «7 [августа] я в форме сошел на берег, но оказанный прием не доставил мне особого удовольствия. Я прогуливался среди чукчей на некотором удалении от наших людей и палаток, когда один из туземцев вдруг стал срезать пуговицы с моего мундира. Я ткнул его кулаком в живот, и он упал, споткнувшись о лежащие позади него камни»¹⁰. Из изложенного неясно, для чего понадобились пуговицы «туземцу». Второе событие вносит некоторую определенность. Произошло оно весной 1885 г., когда, согласно В.В. Леонтьеву, «чукмари», то есть кереки, пытались сорвать пуговицы с кителя А.А. Ресина, чиновника при приамурском генерал-губернаторе¹¹. Сам А.А. Ресин описывает это происшествие следующим образом: «В бухте св. Анастасии <...> мы встретили первых людей, которые производили впечатление совершенных дикарей: надо было видеть восторг, с которым они смотрели на мои погоньи и пуговицы, и жадность, с которою женщины брались за них, выпрашивая их у меня»¹².

Еще больше проясняет дело сообщение партийного руководителя, побывавшего у амгуэмских чукчей, которых еще не коснулась коллективизация: «Приводим даже такой пример. В 1946 году, находясь в глубинной тундре Чукотского района, пришлось нам лично встретиться с таким фактом, когда женщина умоляла одного члена нашей бригады отрезать пуговицы от военной гимнастерки, предлагая по одному оленю за пуговицу, которые ей понадобились как головное украшение»¹³. Таким образом, эти факты демонстрируют тот гендерный сдвиг,

о котором сказано выше: с некоторых пор добытие пуговиц (и право распоряжаться ими) взяли в свои руки женщины, и целью их являлось получение предметов, необходимых для изготовления украшений. Вполне вероятно, что в хронологическом отношении это заключительная стадия использования форменных пуговиц в аборигенной культуре, которой предшествовало их обращение в ритуальной сфере, одинаково важное как для мужчин, так и для женщин.

Пуговицы как принадлежность ритуальных предметов

О внутрикультурных мотивациях, обусловивших существование металлических пуговиц как неотъемлемых принадлежностей вещественного воплощения духовной культуры аборигенов Северо-Востока, можно судить лишь предположительно. Определенную сакральную значимость, следствием которой стало использование их в культовых практиках, металлические пуговицы могли обрести в ментальных координатах солнца как главного почитаемого природного явления, дающего жизнь всему сущему. Не случайно пуговицы, как будет показано ниже, «вписываются» в бисерные розетки и узоры, которые представляют собой солярные символы¹⁴, защищающие человека.

В качестве оберега пуговицы служили также заместителями (метками) органов животных. Замещение пуговицами важных в охранительном отношении сакральных нашивок, символизирующих органы зрения, слуха и обоняния животных, прослеживается на ритуальных шапках, прежде всего шаманских. Вероятно, мундирные пуговицы, благодаря своей вещественности (материал, размер, форма, выпуклая поверхность, блеск) подходили на роль заместителей первоначальных оберегов (бусин и бисерных розеток) на «глазастых» и «ушастых» головных уборах, но часто и сочетались с ними. Существенную роль в представлениях аборигенов о пуговицах как оберегах и защитных амулетах могли сыграть семантические коннотации, связанные с военным делом: часть облачения русских воинов составляли наборные доспехи, защищавшие человека физически. Имитационный перенос физических явлений на духовную сферу мог повлечь за собой нашивание металла (в данном случае пуговиц) на различные предметы (пояс, подвеска кухлянки) с целью предохранить от злых влияний¹⁵. Далее, обратим внимание на особую привлекательность для коряков медных пуговиц с изображением якоря (см. ниже). Береговые коряки достаточно часто входили в контакт с моряками, на мундирах кото-

рых имелись такие пуговицы. Эти люди ходили по морю, появлялись со стороны моря, то есть самым тесным образом были связаны с морской стихией. Возможно, пуговицы с рельефом якорей коряки воспринимали как своеобразный оберег таких людей¹⁶.

Всей полнотой информации по ритуальному использованию форменных пуговиц коренными жителями Крайнего Северо-Востока мы не обладаем, но достоверно известно, что их нашивали на шаманскую одежду (шапки, пояса, крепили в виде подвесок к кухлянкам); на ритуальные головные уборы; а также использовали в качестве прикладов к амулетам и амулетным комплексам и подвесок к бубнам. Если же рассматривать неметаллические пуговицы в качестве заместителей металла (а наличие такой возможности будет показано на примере шаманской шапки), то в круг рассматриваемых ритуальных вещей правомерно ввести погребальные кухлянки и мешочки из погребального инвентаря.

Далее мы приведем конкретные примеры использования металлических пуговиц и/или их заместителей (пластмассовых пуговиц) на ритуальных предметах коряков и эвенов. Форменные медные пуговицы с рельефом (герб Российской империи; пятиконечная звезда с серпом и молотом) и гладкие нашиты на заднюю часть шапки и фрагменты пояса (рис. 1–4), эти предметы составляли облачение корякского шамана¹⁷. На шапке, судя по расположению и остаткам крепления, имелась и вторая форменная пуговица, парная к описываемой (рис. 2). На передней части изделия, скорее всего, также находились металлические пуговицы, но вследствие утрат их заместили пластмассовыми (рис. 1). По нашему мнению, все эти пуговицы семантически замещают естественные отверстия на шкуре головы животного (из которой прежде шили такие шапки), и, таким образом, позиционируются как органы, которыми животное могло учуять злых духов¹⁸. Размещение «органов» и на задней стороне шапки символизирует защиту с тыла, а развитие этой тенденции в виде умножения «органов» и, соответственно, их вещественных носителей, полагаем, имеет целью обеспечить защиту со всех сторон.

Представляется уместным предположить, что достигнутые путем замещений первоначальных нашивок пуговичные элементы головных уборов и далее подвергались сакральной и художественно-эстетической разработке в рамках аборигенной культуры. По крайней мере, они удваивались (дублировались), что видно на упомянутой шаманской шапке, а также умножались более или менее упорядоченным образом, что в пределе вело к раппортизации и появ-

Рис. 1. Шапка шаманская корякская. Вид спереди. Владелец С.Т. Кававтагин. Высота 10 см, диаметр 17 см. Диаметр пуговиц 1,2 см, 2,5 см. С. Верхний Парень, 23 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 2. То же, вид сзади. Диаметр пуговиц 2,3 см, 2,6 см

Рис. 3. Фрагмент пояса шаманского корякского. Владелец С.Т. Кававтагин. 37,5 x 3 см, диаметр пуговиц 1,4 см, 1,8 см, 2,3 см. С. Верхний Парень, 23 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 4. То же. 15,5 x 3 см, диаметр пуговиц 1,0 см, 1,4 см

Рис. 5. Шапка шаманская корякская. Вид спереди. Владелица С.А. Инылив. Пос. Эвенск, 22 сентября 2010 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 6. Кухлянка шаманская корякская. Длина 95 см. Вид сзади. Владелица С.А. Инылив. Пос. Эвенск, 22 сентября 2010 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 7. Фрагмент подвески кухлянки с форменной пуговицей. Диаметр пуговицы 1,8 см. Пос. Эвенск, 12 сентября 2014 г. Фото И.Е. Воробья

Рис. 8. Повязка головная, надеваемая при камлании с бубном. Длина (в сложенном виде) ~ 27 см, диаметр пуговиц 2,3 см. Владелица О.М. Пойтыле. С. Верхний Парень, 13 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 9. Ольга Майничаговна Пойтыле в ритуальной одежде с шаманскими атрибутами. С. Верхний Парень, 12 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 10. Шапка из набора погребальной одежды. Вид спереди. Владелец И.И. Эквинин (1960 г. рожг.). С. Верхний Парень, 5 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 11. Шапка из набора погребальной одежды. Вид спереди. Владелица У. Я. Иньлив (1938 г. рожг.). С. Верхний Парень, 26 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 12. Подол (уповац) погребальной кухлянки. Владелица В.М. Коялхут (1940 г. рожг.). С. Верхний Парень, 19 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 13. Мешочек из погребального инвентаря. Высота ~ 4 см. Владелец И.И. Эквинин. С. Верхний Парень, 5 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 14. Накосник корякский. Владелица В.И. Айвалан. Демонстрирует ношение накосника корячка Лилия Петровна Эквинина. Пос. Эвенск, 20 ноября 2012 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 15–17. Накосники корякские. Длина ~ 20 см, 18 см, 42 см. Владелица О.М. Пойтыле. С. Верхний Парень, 13 августа 2011 г. Фото Л.Н. Хаховской

Рис. 18. Детский кафтан рассохинских эвенов. Длина 53 см. Диаметр пуговиц 1,3–1,8 см. Владелец не установлен. Пос. Сеймчан, 20 апреля 2010 г. Фото Л.Н. Хаховской

лению устойчивых культурных форм. Кроме того, умножение само по себе открывало простор для размещения этих накладок на протяженных материальных носителях, таких, как головные повязки и, по аналогии с ними, пояса¹⁹; фрагменты одного из них мы приводим (рис. 3, 4).

Большой интерес в рамках рассматриваемой темы представляет другой шаманский костюм, состоящий из шапки и кухлянки²⁰. Шапка как нельзя лучше демонстрирует «животную» природу ее охранительных накладок: изготовлена она из шкуры морды оленя, в качестве глаза нашиты бисерные розетки, ушей – мягкие палочки-«колбаски»²¹. Рога животного символизируют бисерная нашивка, в центр которой помещена круглая плоская металлическая накладка, скорее всего, пуговица (рис. 5). Если принять во внимание наличие на коряжских шаманских шапках железных рогов²², то можно предположить, что металлическая накладка служит как бы меткой отсутствующих рожек из такого же материала и своего рода связующим звеном между «скульптурными» рожками из металла (на упомянутых шапках) и изображением рогов из бисера (такая бисерная нашивка имеется на коряжской ритуальной шапочке для новорожденного²³). Эти рассуждения важны тем, что, возможно, проливают свет на семантику металлических пуговиц, размещенных на макушке коряжских погребальных шапок (см. ниже).

Медная форменная пуговица располагается на спинной подвеске шаманской кухлянки из рассматриваемого костюма (рис. 6)²⁴. Подвеска состоит из трех бусинных низок, к концам которых прикреплен «крулый металл» – две монеты советского времени и пуговица с рельефным якорем (рис. 7). Пока это один известный нам случай обнаружения пуговицы на подвеске ритуальной одежды коряжков, но, разумеется, он не единственный, в пользу чего говорит ассоцированность (и, вероятно, взаимная заместительность) пуговицы и монет, а эти последние хоть и редко, но встречаются на подвесках шаманских предметов²⁵.

В культуре северо-восточных палеоазиатов представлена и внешаманская обрядность, достоянием которой стали вещи с пуговицами. Во-первых, это головные охранительные повязки, на которые вместе с бусинами, бисерными розетками (или вместо них) нашивали металлические пуговицы в качестве дополнительных органов (глаз или ушей) с той же целью отпугнуть вредоносные существа. Известно о подобных головных повязках (*чеутыгэче*) у чукчей²⁶. Во-вторых, это ритуальные головные повязки, надеваемые при камлании с бубном;

одна из таких повязок зафиксирована нами у верхнепареньских коряжков (рис. 8, 9)²⁷. В-третьих, металлические пуговицы имеются на двух шапочках (мужской и женской) из погребальных наборов верхнепареньских коряжков – они нашиты на макушку и прикреплены к концу наушника в качестве застежки (рис. 10, 11). Такое оснащение погребальной коряжской одежды встречается, насколько нам известно, впервые, и, возможно, является локальной особенностью западной группировки коряжков – на погребальных шапках камчатских коряжков, при всей схожести кроя и отделки, этих нашивок нет²⁸. Они, несомненно, имеют символическое значение, прочтение которого затруднено – можно лишь предположить, как показано выше, их связь с шаманскими «рогатыми» шапками.

В завершение темы ритуальной одежды с пуговицами хотелось бы обратить внимание на декорирование подола (упована) коряжской женской погребальной кухлянки: по всему полю упована ритмично расположены пластмассовые пуговицы с отходящими от них бисерными низками в виде лучей (солярный знак); кроме того, пуговицы маркируют место расположения основного сакрального элемента коряжской погребальной одежды – «хвоста» (рис. 12). Наконец, солярный знак-оберев в виде пуговицы, вписанной в розетку, имеется на мешочке из сопроводительного погребального набора коряжков (рис. 13).

Таким образом, на рассмотренном материале видно, что наиболее выразительным способом ритуального использования форменных пуговиц является нашивание на детали костюма. Правда, прослеживается это лишь в коряжской культуре, примеры наличия пуговиц на ритуальной одежде чукчей и эвенов нам пока неизвестны. С чем связана такая этническая избирательность – имеют место историографические лакуны или причиной являются исторически сложившиеся обстоятельства – сказать затруднительно. Любопытно, что в эвенской культуре рассматриваемого региона выработался оригинальный способ ритуального использования форменных пуговиц вне одежды: у эвенов Северо-Эвенского района Магаданской области, находившихся в тесных и длительных контактах с коряжками, А.А. Бурыкин зафиксировал такой вид ритуальных предметов, как своеобразный переносной жертвенный комплекс – амулеты, соединенные в связку. Предметы из связки, а среди них были и пуговицы²⁹, являлись приношениями для исполнения задуманных желаний. Автор считает этот комплекс в определенной степени аналогом ритуальным связкам *тайнык-выт*³⁰. Нам в полевой работе также приходилось

видеть у эвенов этого же района лечебный амулет в виде кусочка высушенной медвежьей желчи; в каждом случае исцеления к лоскуту, прикрепленному к амулету, пришивали пуговицу в качестве дара³¹. Весьма примечательно, что пуговицы в качестве прикладов к чукотско-коряжским связкам *тайныквыт* или иным амулетам не отмечены, поэтому надо думать, что так поступали преимущественно эвены, но под влиянием внешних культурных импульсов.

Важно, что пуговицы как ритуальный металл становятся достоянием не только мужчин, как это было при первоначальной «встрече культур». Внутриэтническая трансформация функций и представлений, связанных с пуговицами, приводит к нарушению гендерной замкнутости – даже шаманскими атрибутами владели не только мужчины. Обладателями же ритуальных вещей могли быть все члены общества, включая детей, а жертвенные комплексы эвенов собирали исключительно женщины. Гендерное переключение еще более выпукло прослеживается в таком аспекте использования пуговиц, как украшение внешности с помощью «модных» вещей.

Пуговицы как атрибут украшения

Северо-восточные палеоазиаты (чукчи и коряки) по прямому назначению пуговицы не использовали, то есть на верхнюю плечевую одежду не нашивали. Глухая конструкция палеоазиатской одежды и не предоставляла такой возможности, в отличие от распашной одежды эвенов. В качестве декора чукчи и коряки использовали форменные пуговицы почти исключительно для женских головных украшений – накосников³². На бортах эвенских кафтанов, напротив, встречаются укрепленные в ряд пуговицы, не несущие функциональной нагрузки. Эвенская культура, таким образом, сохранила изоморфную исходной культуре топографию расположения пуговиц, но из категории статусных предметов они перешли в разряд украшений женских и детских кафтанов.

Известно, что металлические пуговицы пользовались устойчивым спросом коренного населения Северо-Востока России: ими торговали³³, их использовали исследователи в качестве предмета обмена на коллекционные экспонаты или услуги. Выявленные данные говорят о том, что наиболее активными «потребителями» пуговиц для эстетических целей являлись женщины. Например, в начале XX в. в регионе проводили полевую работу участники Джебуповской экспедиции. Дневник одной из них, Д.Л. Бродской-Иохельсон, содержит сведения о том, как шло взаимодействие с местными жителями. В коряжском селении Каменское, в октябре 1900 г.

«...Анна (жена Хагилхута) рассказывала сказки и за каждую сказку получила по 2 пуговицы. Только медные блестящие пуговицы им нравятся. Такие же кольца; простые грубые медные кольца они предпочитают больше, чем с красивыми камнями»³⁴. Далее там же: «Анна шьет мою кофточку и рассказывает сказку, длинную, за которую, по ее требованию, получит 3 пуговицы с якорями. Она получила за маску (Позволила снять с себя гипсовую маску. – Л.Х.) цепочку для часов и будет носить [ее] на голове, большие серьги, кольца и рада, как ребенок»³⁵. Здесь, как видим, пуговицы перечисляются в ряду других металлических украшений, и, с точки зрения наблюдателей, и сами были таковыми.

Форменные пуговицы для коряжских женщин были подарком гораздо более желанным, чем для мужчин; и те, и другие на металл выменивали самые сокровенные вещи: «Когда Ига <...> увидел браслет, он уже не захотел с ним расстаться, за браслет да за серьги он отдал старый отцовский бубен, который грех отдавать, как сказала его сестра Пакха; но браслет, а также то, что бубен будет там, где живет сам царь, взяли верх и Вл[адимир] Ил[ьич] (Иохельсон. – Л.Х.) получил бубен. Когда Аюнгаут это увидела, то за пуговицы отдала свой бубен»³⁶.

Н.Н. Беретти описывает собственные наблюдения среди коряжков и чукчей в середине 1920-х гг.: «Все женщины делают прическу, состоящую из прямого пробора посредине головы и двух кос, на концах которых вплетены бусы. На затылке между косами, как бы для скрепления их между собой, надеваются ленты или кусок ровдуги, разукрашенные бисером, бусами или блестящими пуговицами»³⁷. Такая же прическа коряжских женщин зафиксирована на фотографии, сделанной в 1897 г. во время путешествия по Камчатке В. Маргаритова³⁸.

С.В. Обручев пишет о своей экспедиции по Чукотке в 1934 году: «Увидав у меня коробку с нитками и иголками, Эйчин (Чукчанка – Л.Х.) тотчас стала в ней копать и отобрала себе, что ей понравилось – несколько иголок и две блестящие металлические пуговицы. Иголки попали в кожаный рабочий женский мешок <...>, а пуговицы были тотчас вдеты с двух сторон в косы»³⁹. О соперничестве женщин за обладание накосником с пуговицами читаем в полевом дневнике этнографа В.Г. Кузнецовой, жившей среди амгуэмских чукчей (запись от 25 июня 1951 г.): «Вчера Тымнэкалчайвын принес 4 пуговицы, пришитые к кожаной тесьме – *кытталтынног*, одеваемые женщинами на голову, в косу. Отдал их Раглине. Сегодня Томгына <...> пришла к нам и спросила об этих пуговицах. Я сказала, что пуговицы здесь, что мальчик нашел их между яран-

гами, на улице. <...> С неохотой Раглина достала пуговицы из торбаза, обутого на ноги. А когда вернулась Рингына, Раглина пожаловалась ей на меня. «Варвара рассказала, и кто ее просил сообщать, что пуговицы у нас. Пуговицы могли бы и у нас остаться, они не лишние», – сказала девочка Раглина»⁴⁰.

Согласно нашим данным, накосники аттанквен с форменными пуговицами были престижным украшением корячек вплоть до недавнего времени⁴¹. На одном из таких накосников имеются 3 пары мундирных пуговиц, нанизанных вместе с крупными бусинами⁴² (рис. 14). Другие коряцкие накосники содержат гладкие металлические пуговицы (рис. 15–17). Возможно, накосниками являются и коряцкие украшения с медными пуговицами, атрибутированные как «серьги женские, защищающие от нападения злых духов»⁴³. Вместе с тем следует обратить внимание на содержательную связь этого экспоната с головными повязками-оберегами: она наводит на мысль, что элементы, входящие в состав последних, физически могли быть перемещены на украшения-накосники с сохранением, хотя бы на некоторое время, сакральных коннотаций.

Таким образом, пуговицы, несомненно, представляли ценность в глазах женской части чукотского и коряцкого общества, то есть женщины стремились выделиться при помощи украшений с форменными пуговицами. Связан такой гендерный «поворот» с тем, что естественное разделение труда отдает в руки женщин «кройку и шитье» и, соответственно, материал для выполнения этих работ. Это гендерное распределение технологий в традиционном обществе приводит, на наш взгляд, к переключению регистра престижности и появлению такой его грани, которую в современной жизни мы бы назвали модой. Женщины, сконцентрировав в своих руках предметы, прежде имевшие высокий общественный престиж, использовали их для демонстрации собственной внешней отличительности.

Если говорить шире, стремление прекрасной половины аборигенного сообщества увеличить свою привлекательность с помощью престижного металла (в состав которого входили различного рода подвески, бляхи, накладки), несомненно, находило понимание окружающих, вследствие этого сформировался, например, яркий гендерно-отличительный облик традиционной культуры эвенов Северо-Востока: металл здесь располагается исключительно на женской одежде (передник, кафтан, капор, пояс).

Значение медных пуговиц, нашиваемых на борта распашных эвенских кафтанов, оказалось

трансформированным. Их первоначальная роль маркировать высокий общественный статус владельца (мужчины) угасает, пуговицы переходят на детскую и женскую одежду в качестве украшений. Детские кафтаны с медными пуговицами (и их заместителями), принадлежавшие рассохинским эвенам, известны по фотографии, хранящейся в музее пос. Сеймчан, и экспонату этнографической коллекции того же музея⁴⁴ (рис. 18). Женский ровдужный весенний орочьский⁴⁵ кафтан *иркани* известен по музейной коллекции⁴⁶, на нем сохранилась лишь одна форменная пуговица с рельефом двуглавого орла, но имеется еще 17 прорезей на обоих бортах, предназначенных для их крепления⁴⁷.

Следует оговориться, что атрибутирование медных пуговиц на эвенских кафтанах как элементов украшения условно, поскольку по ним мы не обладаем необходимой информацией. На данном этапе более приемлемо классифицировать их как вещи, престижные в бытовом плане, нежели приписывать им ритуальное предназначение (например, детского оберега), но при получении дополнительных сведений эта позиция может быть пересмотрена. На другие элементы эвенского гардероба (передник, капор, пояс), насколько нам известно, форменные пуговицы не нашивали.

Заключение. Цель нашего исследования состояла в том, чтобы проследить, как «живет» заимствованный элемент, в данном случае форменные мундирные пуговицы, в аборигенной культуре, как меняются его функции, социальная значимость, семантический контекст. Установлено, что неутилитарное функционирование форменных пуговиц в традиционных сообществах аборигенов Северо-Востока России развивается в следующих регистрах – от внесеной извне статусности, то есть маркера высокого социального положения владельца к сакральности, то есть использованию в качестве атрибутов шаманского и ритуального костюма, жертвенных прикладов и, далее, к эстетической престижности, которую можно обозначить как моду, или овеществленную внешнюю отличительность и привлекательность. Происходит расширение социального и гендерного круга «пользователей» форменных пуговиц: первоначально это были только мужчины, занимавшие высокие посты в административной иерархии. Владельцы вещей с пуговицами ритуального значения – это уже не только мужчины (даже шаманами могли быть женщины), но и все участвующие в ритуалах и обрядах члены сообщества (мужчины, женщины и дети). А мода, как известно, берет свое начало от женщин. Так что

престижный металл, в том числе пуговичный, на определенной, возможно, заключительной стадии аутентичного внутрикультурного функционирования становился достоянием женской части аборигенного общества. Несомненно, что позволить себе костюм или украшения с престижным металлом могли только зажиточные домохозяйства. Вследствие этого значительный

доход семьи мог аккумулироваться в женской одежде, а это обстоятельство говорит о том, что женщины обладали реальной властью распределять доходы и использовали эту возможность для того, чтобы выделиться из общей массы. Высокая привлекательность такой одежды и украшений сохранялась вплоть до недавнего времени.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период». Полевые исследования проводились в селе Верхний Парень и пос. Эвенск Северо-Эвенского района Магаданской области (2010–2012); письменные источники изучались в архивах г. Магадан, Москва, Санкт-Петербург (2012–2014).

² Зуев А.С. Реорганизация властной иерархии у коряков во второй половине XVIII века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 393–396.

³ Там же. – С. 395.

⁴ Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири. – СПб., 1896. – С. 173.

⁵ Там же. – С. 175.

⁶ Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. – С. 91.

⁷ Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии) // Советская этнография. – 1971. – № 2. – С. 140.

⁸ Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. – М.: Наука, 1983. – С. 82.

⁹ Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 235, 236.

¹⁰ Sauer M. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia for Ascertaining the Degrees of Latitude and Longitude of the Mouth of the River Kovima; of the Whole Coast of the Tshutski, to East Cape; and of the Islands in the Eastern Ocean, Stretching to the American Coast. – London, 1802. – P. 251.

¹¹ Леонтьев В.В. Указ. соч. – С. 82.

¹² Ресин А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Известия Императорского русского географического общества. – СПб., 1888. – Т. 24. – С. 150.

¹³ Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 229. Л. 22.

¹⁴ В.В. Горбачева пишет о коряцких круглых бисерных розетках как о символах луны, см.: Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. – СПб.: Наука, 2004. – С. 83. Возможно, здесь имеет место инверсия бинарных оппозиций, поскольку наши полевые материалы, да и бисерный узор на уповане погребальной кухлянки (см. ниже) говорят об изображении солнца. На это

разночтение указывает и В.В. Горбачева, см.: Там же. – С. 71).

¹⁵ Эту идею высказал Игорь Евгеньевич Воробей.

¹⁶ Идея принадлежит И.Е. Воробью.

¹⁷ Владелец шапки и пояса – коряк, житель села Верхний Парень Сергей Танинович Кававтагин (1935 г. рожд.), бывший оленевод совхоза «Пареньский». Предметы ранее принадлежали его дальним родственникам по мужской линии. В настоящее время шапка и пояс хранятся в фондах Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ): КП-33887; КП-33888/1, 2.

¹⁸ Хаховская Л.Н. Шапочка и пояс коряцкого шамана // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 4. – С. 124.

¹⁹ Там же. – С. 123–126.

²⁰ Владелица костюма – корячка, жительница села Верхний Парень Светлана Анатольевна Иньлиив (1963 г. рожд.). Получила его от свекрови, корячки Ульяны Явьековны Иньлиив (1938 г. рожд.), которая сшила его для своего второго мужа, Константина Иньлиива. Кухлянка предназначена для надевания во время домашних камланий, использовалась в 1960–1980-х гг., в местах кочевания оленеводческих бригад совхоза «Пареньский».

²¹ См. о подобных атрибутах: Хаховская Л.Н. Шапочка и пояс... Указ. соч. – С. 123–125.

²² Одна из таких шапок хранится в МОКМ (КП-30572); другая в составе шаманского костюма находится на временной экспозиции в Эвенском районном краеведческом музее (владелица костюма С.А. Иньлиив).

²³ Хаховская Л.Н. Шапочка и пояс... Указ. соч. – С. 3, рис. на обложке.

²⁴ См. также: Хаховская Л. Н. Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013а. – № 3 (22). – С. 136, рис. 5.

²⁵ Там же. – Рис. 1.

²⁶ Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1977. – С. 143, 144.

²⁷ Повязка принадлежит корячке, жительнице села Верхний Парень Ольге Майничеговне Пойтыле (1940 г. рожд.). См. также: Хаховская Л.Н. Современное этническое природопользование в северном селе // Вестник РГНФ. – 2012. – № 3 (68). – С. 182, фото 7.

²⁸ Горбачева В.В. Указ. соч. – С. 87.

²⁹ Форменные красноармейские пуговицы 1940–1950-х гг., металлические, на ножке (сообщение А.А. Бурькина от 12.01.2015).

³⁰ Бурькин А.А. Религиозные воззрения эвенов // Краеведческие записки. – Вып. 19. – Магадан: Кн. изд-во, 1993. – С. 59.

³¹ Полевые материалы автора от 10.07.2002 г. Владелица амулета – эвенка, жительница с. Гижига Анна Никитична Нека.

³² Имеется также сведение о чукотских женских ожерельях из бус, украшенных «медными или перламутровыми пуговицами», см.: Богораз В.Г. Материальная культура коряков. – М.: Наука, 1991. – С. 189.

³³ В архивных источниках читаем: «Косыгин (Купец, – Л.Х.) продавал здесь бусы, пуговицы. За большую бусу получал выпоротка, то же и за пуговицы». См.: Архив Института восточных рукописей РАН (АИВР РАН). Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 5: Дневник Д.Л. Бродской-Иохельсон.

³⁴ АИВР РАН. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 91.

³⁵ Там же. – Л. 94 об., 95.

³⁶ Там же. – Л. 3 об., 129.

³⁷ Беретти Н.Н. На Крайнем Северо-Востоке // Записки Владивостокского отдела Государственного русского географического общества. – Владивосток, 1929. – С. 32.

³⁸ На грани миров. Шаманизм народов Сибири (Из собрания Российского этнографического музея: Альбом). – М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. – С. 148. Полагаем, что атрибуция этой фотографии в данном издании произведена неверно, это видно из ее сопоставления с изображением коряжской шаманки (Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. – Хабаровск, 1899. – С. 108, 109).

³⁹ Обручев С.В. В неизведанные края. – М.: Мысль, 1975. – С. 263.

⁴⁰ Архив музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Фонд К-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 26 об., 27: Полевой дневник В.Г. Кузнецовой.

⁴¹ Полевые материалы автора, интервью с коряками Любовью Александровной Мулиной (1962 г. рожд.), Викторией Ивановной Айвалан (1960 г. рожд.) и ее мужем Яковом Андреевичем Явьеком (1955 г. рожд.). Пос. Эвенск, 20.11.2012.

⁴² Изготовила корячка Детан, во время работы в оленеводческой бригаде № 3 совхоза «Пареньский», выпасавшей оленей на правом берегу р. Тылхой. Владелица – корячка, жительница пос. Эвенск В.И. Айвалан. В настоящее время хранится в МОКМ, инв. № КП-34350.

⁴³ РЭМ, инв. № 8570-126/1, 2. Сборы середины XX в. (В.В. Горбачева. Указ. соч. Цветная вклейка).

⁴⁴ Фонд Сеймчанского районного краеведческого музея (Среднеканский район Магаданской области), инв. № НВ-698/26, НВ-5.

⁴⁵ До конца 1950-х гг. эвенов Магаданской области в официальных документах и повседневной жизни именовали «орочами», «орочелами» (см.: Хаховская Л.Н. Эвены Магаданской области: к проблеме этнонимии // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 68–75).

⁴⁶ МОКМ, инв. № КП-713. Куплен в Эликчане (Среднеканский район) в январе 1934 г.

⁴⁷ Пуговицы на эвенских кафтанах, как и на коряжских поясах, крепили следующим образом: ножки вставляли в узкие прорезы на коже или ткани, с изнаночной стороны сквозь ножки всех пуговиц протягивали тонкий кожаный ремешок, концы которого пришивали.

«Танец огня» как один из главных обрядов жизненного цикла в тунгусо-маньчжурской практике

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА МИССОНОВА

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва
Кандидат исторических наук, куратор многотомной этнологической серии «Народы и культуры»
e-mail: missmila@iea.ras.ru

Статья основана на полевых материалах автора (ПМА за 25 лет), а также собранных в музеях островов Сахалина, Хоккайдо и Хонсю. Сравниваются данные археологических, этнографических и лингвистических источников. Автор рассматривает трансформацию обряда, начиная с VIII–XIII вв. н.э. до XXI в. Демонстрируется методика исследования обряда с применением разноплановых источников, его социокультурная функция, значимая роль в формировании этнической идентичности. Сохраняемые в народной памяти визуальные коды не теряют значения вплоть до наших дней, являя собой четкую связь витальных потребностей человека, этнической общности, родового менталитета, мифа и обряда.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские народы, ульта, эвены, эвенки, род, семья, очаг, культы Солнца и Огня, Сахалин.

UDC 39 (571)

“The Fire Dance” as One of the Main Life Cycle Ceremonies of the Tungus-Manchurian Practices

LUIDMILA I. MISSONOVA, Ph.D. (History)

Coordinator of Ethnological Encyclopedia Serials Publication Entitled “Narody i Kultury” (“Peoples and Cultures”) of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
e-mail: missmila@iea.ras.ru

The article is based on the fieldwork conducted by the author over a period of 25 years as well as on the materials gathered in the museums of the islands of Sakhalin, Hokkaido and Honshu. A comparison is made between archaeological, ethnographic and linguistic artefacts. This approach allows us to examine the transformation of the ritual from the 8th–13th centuries to the 21st century. The present article demonstrates the technique of rite research, which draws upon diverse sources. It discusses the socio-cultural function and the significant role of rite in the formation of ethnic identity, the preservation in the national memory of image codes that do not lose their significance until the present day, providing a connecting link between human needs, ethnic community, group mentality, myth and ritual.

Keywords: Tungus-Manchu ethnic minority, Uilta, Evenk, Evenkis, genus, family, hearth, Cult of the Sun, Cult of Fire, Sakhalin.

«Во всех <...> фактах сакрализации и символизации огня есть одна черта, которая проходит через всю историю общения человека с огнем. Это социальная природа и социальное опосредствование всей огненной сферы»¹. Эту неугасающую для обсуждения в XXI в. тему ярко развил

Б.А. Фролов: «Хранение и стабильное поддержание огня мотивировалось стремлением искусственно дополнить живительное действие Солнца (исходящие от него тепло, свет, энергию), поскольку это действие сокращалось в определенные периоды суточных и годовых